

ИСТОРИЯ БЕЛАРУССКОГО НАРОДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛЬСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (ИЗ НАСЛЕДИЯ ЮЗЕФА МАЦКЕВИЧА)

СВЕТЛАНА ЧЕРВОННАЯ

Аннотация: Беларусские мотивы занимают видное место в творчестве Юзефа Мацкевича, бывшего одной из главных фигур послевоенной польской эмиграции. И хотя не только благородные и сентиментальные черты формируют созданный им образ беларусского крестьянина и интеллигента, но и многое *иное*, о чем Мацкевич писал с горечью, с иронией, порой с отчаянием, несомненно его позитивное отношение к беларусскому народу как к возможному партнеру польской демократии.

Ключевые слова: польско-беларусские отношения, беларусское меньшинство в Польше.

THE HISTORY OF BELARUSIAN NATION IN THE INTERPRETATION OF POLISH EMIGRATION (FROM THE HERITAGE OF JÓZEF MACKIEWICZ)

Abstract: Belarusian issues occupy a significant place in the works of Józef Mackiewicz, one of the main figures of the Polish post-war emigration. Mackiewicz depicts a Belarusian peasant not only as noble and sentimental, but also as someone worth regret, irony or despair. However, he obviously demonstrates a positive attitude to Belarusian nation as possible partner of the Polish democratic forces.

Keywords: Polish-Belarusian Relations, Belarusian Minority in Poland.

Творческое наследие представителей послевоенной политической эмиграции возвращается сегодня в Польшу; к нему проявляют интерес издательства, читатели, исследователи (*Archiwum emigracji*, 2007).

Одной из ярких фигур польской литературной эмиграции является Юзеф Мацкевич (*Józef Mackiewicz*) (1902–1985). В 1923–1939 годах он работал репортером вильнюсской газеты „Słowo”. В эмиграции – трудная дорога к которой вела Мацкевича через тяжелейшие испытания, выпавшие на его долю в Вильнюсе и под властью Литвы, и в первый год советской (1940–1941), и в годы нацистской оккупации, через бегство перед приближением Красной Армии сначала в Краков, оттуда в 1945 году в Рим, переселение в 1947 году в Лондон и в 1955 году – в Мюнхен, – Мацкевич переосмыслил многие проблемы польско-белорусских отношений. Они нашли преломление в том фокусе, который был предопределен политической позицией писателя – категорическим, радикальным антикоммунизмом.¹

Образ белоруса (крестьянина, интеллигента, партизана, вынужденного взяться за оружие), созданный Мацкевичем, оказывал сильное влияние на формирование определенного стереотипа в сознании зарубежной общественности. И хотя не только героические, благородные или сентиментальные черты формировали этот образ, но и многое иное, о чем Мацкевич писал с горечью, с иронией, с отчаянием, порой с блеском безжалостной сатиры, несомненным является его позитивное отношение к белорусскому народу как к возможному партнеру не только польского движения сопротивления, но всех, кто боролся за освобождение Европы от красной и коричневой чумы.

Польские историки и этнографы, посвятившие свои исследования белорусскому меньшинству в Польше; выдающиеся писатели (например, Тадеуш Конвицкий (*Tadeusz Konwicki*); общественные деятели, вытесненные во времена коммунистической диктатуры в диссидентский андеграунд (например, Богдан Скарадзинский (*Bohdan Skaradziński*), который свои размышления о белорусах смог опубликовать на заре формирования «Солидарности», выступая под псевдонимом «*Kazimierz Podlaski*»); наконец, представители самой белорусской общественности в Польше, например, известный поэт и журналист Сокарт Янович (*Sokrat Janowicz*), – все они солидарны с Мацкевичем в интерпретации белорусской истории. Они прежде всего подчеркивают:

¹ Устами одного из своих персонажей, белорусского крестьянина, Мацкевич говорит о несоизмеримости зла, которое несут с собой большевики и любые другие оккупанты (*Mackiewicz*, 1993a: 32–33), о страшной силе, которой обладает большевистская идеология, освобождая человека от угрызений совести, позволяя ему переступить любую черту (доносительства, предательства, жестокости).

1) историко-культурное и природное богатство той белорусской земли, о которой поляки пишут с нежностью и болью, называя ее „Dobroguś” (страной добра);²

2) ее нерушимую историко-культурную связь с европейской цивилизацией, с западными соседями, как в прошлом, так и в потрясениях Нового времени;³

3) несправедливость Рижский мирного договора 1920 года, который привел к разделу Беларуси между советской Россией и Польшей;

4) непростительные ошибки лидеров белорусской «Громады», которые не сумели разглядеть за восточной границей Польши кошмара сталинизма и фактически объявили войну собственному государству – с парламентской трибуны польского сейма или в тех *мексиканских джунглях*, в какие превратились *восточные Кресы*. Образ Франциска Бжозовича, созданный Мацкевичем (Mackiewicz, 1993b: 48–56) несет в себе собирательные черты многих реальных персонажей этой драматической истории, начиная с Бронислава Тарашкевича. Не снимая с этих людей ответственности, осуждая их близорукость, Мацкевич видит главный источник беды в порочной политике Польши. Неспособность обеспечить достойное существование белорусского меньшинства, разгром белорусской парламентской оппозиции и выдача ее лидеров Советам – позорная страница польской истории (Hańba!);⁴

5) трагический фарс «триумфальных арок», сооружаемых в белорусских селениях в знак приветствия агрессоров – сначала Советской Армии (сентябрьское вторжение 1939 года), затем немецких оккупантов;

6) так называемое «добровольное присоединение» Западной Беларуси (1939), а затем Литвы вместе со всем населением Вильнюсского края (1940) как чудовищное внешнее насилие и как акт национально-самоубийства со стороны тех, кто не противился насилию и участвовал в приближении этой катастрофы;⁵

7) крах надежд и попыток возрождения белорусской государственности с помощью немецких оккупантов; трагедию взаимного непони-

² „Nie wryłaś się w ludzką pamięć, Białorusi. Nie odbierałaś innym wolności, nie rabowałaś cudzej ziemi, nie mordowałaś za sąsiedzkiej miedzy...” (Konwicki 2005: 23–24).

³ Для Юзефа Мацкевича нет ни малейших сомнений в том, что Западная Беларусь – это интегральная часть Польши, едва ли не «половина Польши», которую захватил Советский Союз (Mackiewicz, 2007a: 13).

⁴ Прямо пишет об этом Янович: „Pozbycie się ich z kraju – to hańba!” (Цитировано по книге: Podlaski (Skaradziński), 1990: 42). Скарадзинский комментирует это признание: „Zgoda! Ale hańba podwójna: i białoruska, i polska. (...) haniebną było naiwnością przypuszczenie, iż w Moskwie będą partnerem, a nie narzędziem...” (Podlaski (Skaradziński), 1990: 42).

⁵ Поистине фантазмагорическую картину принудительно-«добровольного» собрания «трудящихся масс», которое под крики «Ура!» принимает навязанное ему решение о вхождении Вильнюсского края в состав СССР, рисует Мацкевич (Mackiewicz, 1993a: 29–31).

мания между поляками, беларусами, литовцами, украинцами, русскими, оказавшимися в этом аду оккупации;⁶ отсутствие сотрудничества между партизанскими движениями и распри между ними, мешающие объединению сил против общего врага.⁷

Насколько эта панорама отличается от официальных версий советской и постсоветской историографии, настолько актуальным представляется и ознакомление белорусской общественности с иным подходом, и стимулирование исследовательской работы на том поле, вокруг тех фигур и событий, на которые до сих пор западное сообщество смотрит как бы *глазами Мацкевича*, воспринимая белорусскую историю XX века сквозь призму его надежд и разочарований.

Библиография

1. Konwicki, Tadeusz (2005). *Kalendarz i Klepsydra*. Warszawa: Czytelnik.
2. Mackiewicz, Józef (1993a). *Droga donikąd*. Londyn: Kontra.
3. Mackiewicz, Józef (1993b). *Nie trzeba głośno mówić*. Londyn: Kontra.
4. Mackiewicz, Józef (2007a). *Optymizm nie zastąpi nam Polski*. Londyn: Kontra.
5. „Nowe edycje książek Józefa Mackiewicza” (2007), *Archiwum emigracji*, 9 (1): 295–298.
6. Podlaski, Kazimierz (Skaradziński, Bohdan) (1990): *Białorusini, Litwini, Ukraińcy*. Białystok: Versus.

⁶ В полной мере эту трагедию выявляет описанная Мацкевичем неудачная попытка установить контакт между польскими и белорусскими силами антифашистского сопротивления в Вильнюсе. Она закончилась обменом «списками ужасов», в которых беларусы и поляки обвиняли друг друга в преступлениях против мирного населения, при этом польский список «ужасов» не уступал белорусскому, разве что чаще упоминалась «*łyżka, którą wyjtowano oczu (ложка, которой выковыривали глаза)*» (Mackiewicz, 1993b: 303–304).

⁷ Апогеем и финалом этих взаимных распрей является описанный Мацкевичем Второй общенациональный белорусский съезд, состоявшийся в Минске 27–29 июня 1944 года. Его делегаты, кажется, больше заботились о том, чтобы обвинить во всех бедах своего народа ненавистных поляков, чем о собственной судьбе и беде этого народа (Mackiewicz, 1993b: 558–559).